

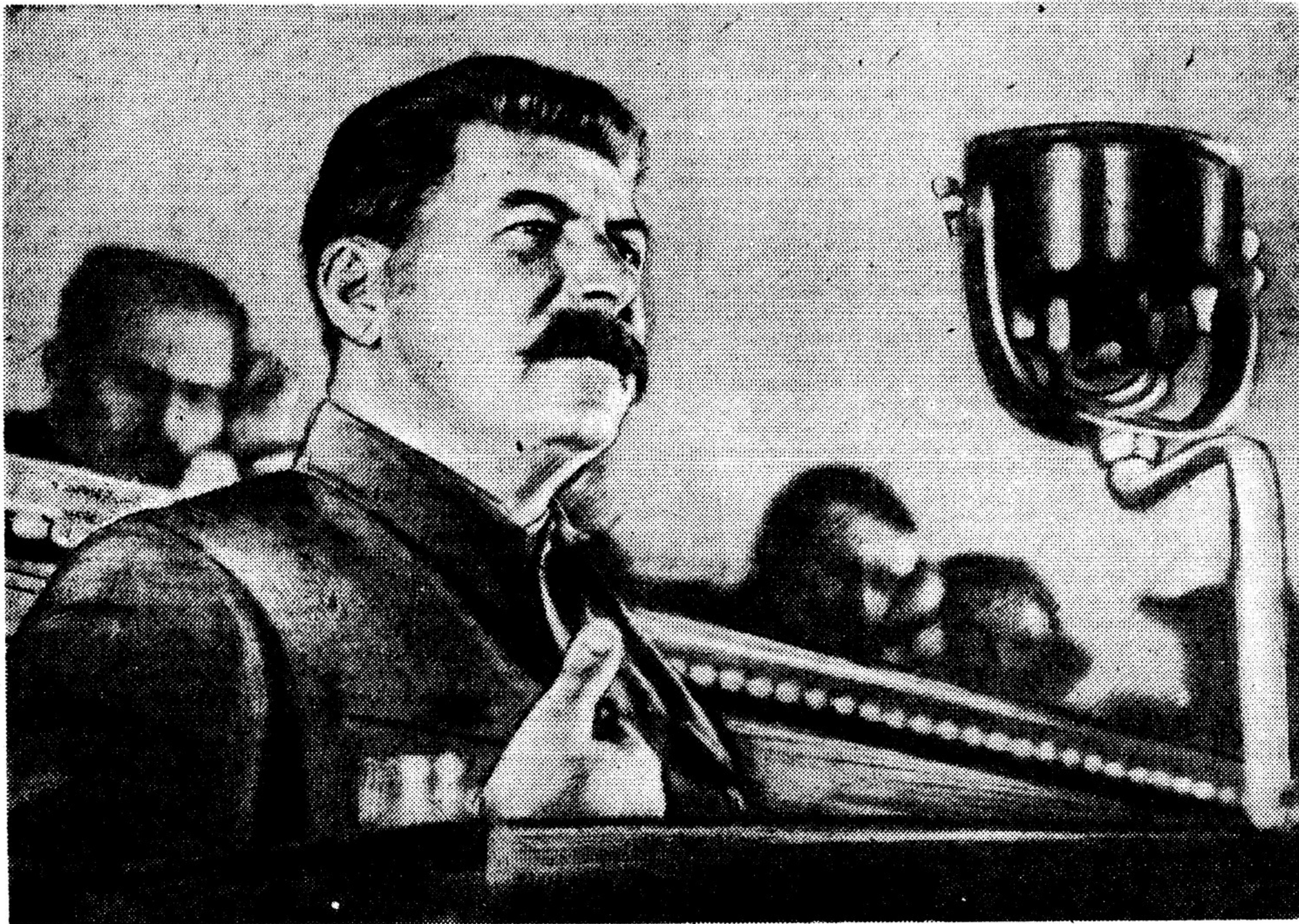
Литературная газета

№ 65 (556)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Воскресенье, 24 ноября 1935 г.

РЕЧЬ товарища СТАЛИНА НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ СТАХАНОВЦЕВ

это обстоятельство может хоть сколько-нибудь умалить великое историческое значение движения стахановцев.

То же самое можно сказать о тех рабочих, которые впервые организовали в нашей стране Советы Рабочих

Депутатов в 1905 году. Они, конечно, не думали, что Советы Рабочих Депутатов послужат основой социалистического строя. Они только оборонялись от паризма, от буржуазии, создавая Советы Рабочих Депутатов. Но это обстоятельство нисколько

не противоречит тому несомненному факту, что движение за Советы Рабочих Депутатов, начавшееся в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма в одной шестой части мира.

2 Корни стахановского движения

Мы присутствуем сейчас у колыхания стахановского движения, у его истоков.

Следовало бы отметить некоторые характерные черты стахановского движения.

Бросается в глаза прежде всего тот факт, что оно, это движение, началось как то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий. Более того, это движение зародилось и стало развертываться в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней. Товарищ Молотов уже рассказывал вам о том, какие муки пришлось пережить тов. Муснискому, лесопильщику в Архангельске, когда он тайком от контролеров вырабатывал новые, более высокие технические нормы. Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему пришлось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества». Что касается Бусыгина, то известно, что он за свои «новшества» чуть было не поплатился потерей работы на заводе, и лишь вмешательство начальника цеха тов. Соколинского помогло ему остаться на заводе.

Как видите, если и имело место какое-либо воздействие со стороны администрации наших предприятий, то оно шло не навстречу стахановскому движению, а напротив ему. Стало быть, стахановское движение зародилось и развернулось как движение, идущее снизу. И именно потому, что оно зародилось самопроизвольно, именно потому, что оно идет снизу, оно является наиболее жизненным и непримиримым движением современности.

Чем объяснить, что стахановское движение оказалось делом вполне назревшим? Где причины того, что оно получило такое быстрое распространение? Каковы корни стахановского движения?

Их, этих причин, по крайней мере четыре.

1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жизнь стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприятно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас (апподемонтны). Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой удалось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала не долго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу какие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу материальные условия для заработной платы. В этом сила и неизбежность нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать парских опричников, взять власть и почитать свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободой далеко еще недостаточно. Если нехватает хлеба, нехватает мяса и жиров, нехватает мануфактуры, жилища плохое, то на одной лишь свободе далеко не уйдешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой (одобрительные возгласы, апподемонтны). Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы была политическая свобода дополнена благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность заработной платы и культурной жизни.

2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а для себя, своего класса, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет

частный, личный характер. Выработай больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знает не точет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласен с этим. — ступай в ряды безработных и продавай как знаешь. — найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя эксплуатируемым и одиозным. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать — он герой труда, он герой славы. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение.

3) Третьим источником стахановского движения следует считать наличие у нас новой техники. Стахановское движение органически связано с новой техникой. Без новой техники, без новых заводов и фабрик, без нового оборудования стахановское движение не могло бы и зародиться. Без новой техники можно поднять технические нормы в один-два раза — не больше. Если стахановцы подняли технические нормы в пять и в шесть раз, то это значит, что они опираются целиком и полностью на новую технику. Таким образом выходит, что индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик, наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение.

4) Но на одной лишь новой технике далеко не уйдешь. Можно иметь передовую технику, передовые заводы и фабрики, но если нет людей, способных освоить эту технику, техника так и останется у вас голой техникой. Чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работников, способные стать во главе техники и двигать ее вперед. Зарождение и рост стахановского движения означают, что у нас уже зародились такие кадры среди рабочих и работников. Года два тому назад партия сказала, что, построив новые заводы и фабрики и дав нашим работникам новое оборудование, — мы сделали лишь половину дела. Партия сказала тогда, что индустриализация новых заводов надо дополнить индустриализацией кадров, что только таким путем можно довести дело до конца. Судя по тому, что за эти два года шло освоение этой новой техники и зарождение новых кадров, теперь ясно, что такие кадры уже имеются у нас. Понятно, что без таких кадров, без этих новых людей у нас не было бы никакого стахановского движения. Таким образом, освоение новой техники, послужившая той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение.

Таковы условия, породившие и двинувшие вперед стахановское движение.

1. Значение стахановского движения

Товарищи! О стахановцах здесь, на этом совещании, так много и так хорошо говорили, что мне, собственно, мало что остается сказать. Все же, ради меня вызвали на трибуну, придется сказать несколько слов.

Стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работников. Стахановское движение это такое движение рабочих и работников, которое войдет в историю нашего социалистического отечества, как одна из самых славных ее страниц.

В чем состоит значение стахановского движения?

Прежде всего в том, что оно выражает новый подъем социалистического соревнования, новый высший этап социалистического соревнования. Почему новый, почему высший? Потому, что оно, стахановское движение, выгодно отличается, как выражение социалистического соревнования, от старого этапа социалистического соревнования. В прошлом, года три тому назад, в период первого этапа социалистического соревнования, социалистическое соревнование было обязательно связано с новой техникой. Да тогда у нас, собственно, и не было почти новой техники. Нынешний же этап социалистического соревнования — стахановское движение, наоборот, — обязательно связан с новой техникой. Стахановское движение было бы немислимо без новой, высшей техники. Перед нами люди, вроде т. Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Виноградовых и многих других, люди новые, рабочие и работники, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было года три тому назад. Это — люди новые, особенные.

Далее. Стахановское движение это такое движение рабочих и работников, которое ставит своей целью преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов. Преодоление — потому что эти, эти самые нормы, стали уже старыми для наших дней, для наших новых людей. Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов. Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. Именно поэтому оно, стахановское движение, является в основе своей глубоко революционным.

Здесь говорили уже, что стахановское движение, как выражение но-

вых, более высоких технических норм, представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм. Это совершенно правильно. Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Поэтому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни. Это не верно. Это мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе избытка продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества. Но для того, чтобы социализм мог добиться этой своей цели и сделать наше советское общество наиболее зажиточным, — необходимо иметь в стране такую производительность труда, которая переключает производительность труда передовых капиталистических стран. Без этого нечего и думать об избытке продуктов и всякого рода предметов потребления. Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, переключает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну.

Но этим не истощивается значение стахановского движения. Его значение состоит еще в том, что оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму. Принцип социализма состоит в том, что в социалистическом обществе каждый работает по своим способностям и получает предметы потребления не по своим потребностям, а по той работе, которую он произвел для общества. Это значит, что культурно-технический уровень рабочего

класса все еще не высок, противоположность между трудом умственным и трудом физическим продолжает существовать, производительность труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм. Это совершенно правильно. Почему капитализм разбил и преодолел феодализм? Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Поэтому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, более высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Некоторые думают, что уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться путем некоторого культурно-технического поравнения рабочих умственного и физического труда на базе снижения культурно-технического уровня инженеров и техников, работников умственного труда, до уровня средне-квалифицированных рабочих. Это совершенно неверно. Так могут думать коммунисты только мелкобуржуазные болтуны. На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Было бы смешно думать, что такой подъем неосуществим. Он вполне осуществим в условиях Советского строя, где производительные силы страны освобождены от оков капитализма, где труд освобожден от гнета эксплуатации, где у власти стоит рабочий класс и где молодое поколение рабочего класса имеет все возможности обеспечить себе достаточное техническое образование. Нет никаких оснований сомневаться в том, что только такой культурно-технический подъем рабочего класса может положить основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он может

обеспечить ту высокую производительность труда и то избытие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму. Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые зачатки, правда, еще слабые, но все же зачатки такого именно культурно-технического подема рабочего класса нашей страны.

В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом, — молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технические покладывающие, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами. Большинство из них прошло так называемый технический минимум и продолжает пополнять свое техническое образование. Они свободны от консерватизма и застоя, некоторые из них инженеры, техники и хозяйственники, они идут смело вперед, ломают устаревшие технические нормы и создают новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет всемерно больше? Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущее нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим?

Таково, товарищи, значение стахановского движения в деле нашего социалистического строительства. Думали ли об этом великом значении стахановского движения Стаханов и Бусыгин, когда они приступили к ломке старых технических норм? Конечно нет. У них были свои заботы, — они стремились к тому, чтобы вывести предприятия из провала и перевалить хозяйственный план. Но, добиваясь этой цели, им пришлось разбить старые технические нормы и развить высокую производительность труда, переключив передовые капиталистические страны. Было бы однако смешно думать, что

обеспечить ту высокую производительность труда и то избытие предметов потребления, которые необходимы для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму.

Стахановское движение знаменательно в этой связи в том отношении, что оно содержит в себе первые зачатки, правда, еще слабые, но все же зачатки такого именно культурно-технического подема рабочего класса нашей страны.

Следует, далее, остановиться еще на одной характерной черте стахановского движения. Состоит она, эта характерная черта, в том, что стахановское движение равносильно по своему лицу нашему Союзу не постепенной, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган. С чего началось дело? Стаханов поднял техническую норму добычи угля вчетверо, а Бусыгин и Сметанин сделали то же самое, один — в области машиностроения, другой — в области обувной промышленности. Газеты сообщили об этих фактах. И вдруг — пламя стахановского движения обляло всю страну. В чем тут дело? Откуда взялась такая быстрота в деле распространения стахановского движения? Может быть Стаханов и Бусыгин являются большими организаторами с большими связями в областях и районах СССР, и они сами организовали это дело? Нет, конечно, нет! Может быть Стаханов и Бусыгин имеют претензии быть великими фигурами нашей страны и они сами разнесли искры стахановского движения по всей стране? Это тоже неверно. Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина. Они выступали на совещании. Это — люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всеобщего масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям. И если, несмотря на это, опички, бро-

шенной Стахановым и Бусыгиным, оказалось достаточно для того, чтобы все это дело развернулось в пламя, — то это значит, что стахановское движение является делом вполне назревшим. Только движение, которое вполне назрело и ждет толчка для того, чтобы вырваться на волю, — только такое движение могло распространиться так быстро и нарастать, как снежный ком.

Чем объяснить, что стахановское движение оказалось делом вполне назревшим? Где причины того, что оно получило такое быстрое распространение? Каковы корни стахановского движения?

Их, этих причин, по крайней мере четыре.

1) Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жизнь стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприятно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас (апподемонтны). Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой удалось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала не долго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу какие материальные результаты революции. Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу материальные условия для заработной платы. В этом сила и неизбежность нашей революции. Конечно, хорошо прогнать капиталистов, прогнать помещиков, прогнать парских опричников, взять власть и почитать свободу. Это очень хорошо. Но, к сожалению, одной лишь свободой далеко еще недостаточно. Если нехватает хлеба, нехватает мяса и жиров, нехватает мануфактуры, жилища плохое, то на одной лишь свободе далеко не уйдешь. Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой (одобрительные возгласы, апподемонтны). Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы была политическая свобода дополнена благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность заработной платы и культурной жизни.

2) Вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а для себя, своего класса, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет

частный, личный характер. Выработай больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знает не точет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласен с этим. — ступай в ряды безработных и продавай как знаешь. — найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя эксплуатируемым и одиозным. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать — он герой труда, он герой славы. Понятно, что только в таких условиях могло зародиться стахановское движение.

3 Новые люди — новые технические нормы

Я говорил, что стахановское движение развилось не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорывающего какую-то плотину. Очевидно, что ему пришлось преодолеть какие-то препоны. Кто-то ему мешал, кто-то его зажимал, и вот, накопив силы, стахановское движение прорвало эти препоны и зашло страну. В чем тут дело, кто же, собственно, мешал?

Мешали старые технические нормы и люди, стоявшие за спиной этих норм. Несколькими лет тому назад наши инженерно-технические и хозяйственные работники составили известные технические нормы применительно к технической отсталости наших рабочих и работниц, ориентируясь на эту отсталость, исходя из отсталости, и дело доходит наконец до того, что начинают играть в отсталости. Ну, а как быть, если эта отсталость отодвинута в область прошлого? Неужели мы будем преклоняться перед нашей отсталостью и делать из нее икону, фетиш? Как быть, если рабочие и работницы успели уже вырасти и подковаться технически? Как быть, если старые технические нормы перестали соответствовать действительности, а наши рабочие и работницы успели уже на деле перекрыть их втягивать, влетать? Разве мы когда-нибудь

Окончание на 2-й стр.

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

В серии «Библиотека поэта» вышли обильные одной общей вступительной статьей три книги стихов поэтов XVIII в. — Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова. Две из них заслуживают особого внимания.

Третьяковский не переиздается около ста лет. Стихотворения Сумарокова — их разное XVIII века. Стих поэтов, которые когда-то играли роль ведущих, знают обычно только по именам, творчество же их давно и основательно забыто. Из всего литературного наследия Третьяковского, в сущности, был известен только один стих из «Глемахнады» — «Чушище обая, озноно, огромно, — соевно и дай!» — и то благодаря Радинскому, который взял его эпиграфом к своему «Густиенстию». Потом этот стих был цитировался в применении к русскому самодержавию.

Зато необычайно поведло литературным лагунам и неудачным вырвкам Третьяковского, как «попугайчик со синячки», «элефанты и лентки и морские скраки» и т. д. Подобные лагуны цитируют нередко и в насмешку над Третьяковским, в том же издательстве, которые при жизни выпали из него. Различье обнаружил истинное мужество, решившись эпиграфом своей книги вывести строку из всеми презираемого поэта.

Ратинцев же, а потом и Пушкин стали на защиту Третьяковского, утверждая, что у него есть не мало и удачных строчек. Что он не был бездарен, как с легкой руки его литературных противников прочно утвердилось в широкой публике, доказывает его французские стихи, в которых нет ничего нелепого и нескладного. На языке, поэтически выработанным, он писал как не бездарный французский поэт; другое дело, когда ему приходилось делать первые шаги в русском тонычском стихотворстве. При определении талантливости литературного деятеля необходимо принимать во внимание и те препятствия, которые ему пришлось преодолеть.

«Библиотека поэта» помещает почти все стихотворения Третьяковского, в том отношении к полноте, что Сумароков, проведя в ссылке, выдал свои. Первые десять переводов французских стихов Третьяковского, Переводчик Мих. Кузьмин кое-где отступает от подлинника, но избегает слишком капризных расстановки слов Третьяковского, затрудняющей понимание, меньше пользуется славянскими и т. д., но дух Третьяковского в общем схватывает удачно.

Даны и статьи Третьяковского и Сумарокова о стихосложении, очень ценные и содействующие, пожалуй, представляющие для современного читателя больший интерес, чем стихи. Научный язык их прост и доступен для понимания, чем поэтический.

Обильные статьи П. Беркова «Литературно-теоретические взгляды Третьяковского» и аналогичная статья Гусоковского «Литературно-теоретические взгляды Сумарокова» хорошо ориентируют читателя в данном вопросе. Еще ценнее большая общая вступительная статья к трем поэтам С. Бонди, полная интересных сопоставлений и тонких наблюдений.

Правда, с объяснением исторического фундамента не все обстоит благополучно, но автор сам и предупреждает читателя, что его соображения о социологическом смысле творчества трех поэтов должны рассматриваться, как одна из предварительных попыток в этом направлении. Зато значение в русской литературе этих трех пионеров русской книжной поэзии восточного типа, их различия и взаимная борьба друг против друга (так как они все время

враждовали между собой) изображены достаточно ярко.

В истории русской поэзии задачи этих трех поэтов могут быть сформулированы так: Третьяковский первым создал теорию тонычского стихосложения, Ломоносов утвердил и вывел эту теорию, исправил ошибки Третьяковского, и дал убедительные образцы нового стихосложения. Но он одиозно в жанрах и размерах. Сумароков создал разнообразие в том и другом.

Самой ценной частью общей вступительной статьи является пятая глава, посвященная теориям стихосложения этих трех поэтов. Но и в этой главе, которая отныне должна являться необходимой и основным пособием для всякого интересующегося историей русского стиха, есть один серьезный недостаток.

У нас сейчас нередко, рассматривая явления далекого прошлого, злоупотребляют словом «революционный»: желая приблизить поэта к нашему времени, нередко приписывают несвойственные ему качества и т. д. В такую ошибку впадает и С. Бонди. Как известно, реформа, предложенная Третьяковским в 1736 г., состояла в том, что он доказал возможность равномерного распределения ударений в стихе и вместо силлабических стихов давал правильные хоры.

По мнению Бонди, эта «семена стиховой системы» протекала внезапно, революционно.

Таким образом выходит, что Третьяковский стал революционером книжной поэзии, прислушавшись к советам некоего «революционного» тонычского размера поэзии устной. Но в устной поэзии встречались также не только хоры, но и другие размеры, например анапест.

Уж кобы на цветы не морозы, И зимой бы цветы расцветали. Вопрос, почему Третьяковский предпочел одаю хорей, как мы видим, не решается ссылкой на устную поэзию.

Аргументация Бонди не убедительна. Чтобы доказать свой тезис о том, что Третьяковский шел к достижению своей цели не революционным, а революционным путем, ему приходится почти игнорировать некоторые факты из русской поэзии. Глаго и Паусе, писавшие раньше Третьяковского русские стихи тонычского стихосложения по образцу немецких стихов, но только лишь упоминает в сноске, не приводя никаких обоснований, почему считает вопрос о них несостоящим внимания.

Игнорирование другого факта гораздо серьезнее. Бонди очень высоко ценит — и это совершенно правильно — трактат Третьяковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». В этом трактате указывается, что к хорю привело Третьяковского, во-первых, «свойство нашего языка», затем «рифма», которая в силлабическом стихосложении является женской, следовательно хорейской. Далее Третьяковский говорит: «сверх того был у меня тогда в руках некоторый печатный пример хорейских народных, составленный хорейскими тетраметрами». Не называя их автора, он заглавие бывшего у него в руках «даматской книжки», Третьяковский указывает только тему — «О блудном сыне».

В комментарии к этому месту читаем: «Даматская книжка — драматическая поэма Ивана Гундуляча (1688 — 1698) о блудном сыне». Здесь у комментатора ошибка: поэма Гундуляча, национального даматского поэта, «Слезам блудного сына» отнюдь не является «драматической». Состоит она из трех песен («плачей»), содержит около 280 стихов четырехстопного хорея. Вот где кроется разгадка пристрастия Третьяковского

4. В. Фаворский. Деталь первого варианта композиции росписи фасада Дома моделей в Москве. Сграффито

именно к хорю. От книжного даматского стиха был непосредственным переход к русскому; недаром сам Третьяковский в «Разговоре об орфографии» подчеркивал «сродство средству каллиграфических языков» с русским.

Игнорирование указаний самого Третьяковского на языкорусское влияние никак не может быть оправдано. Этим влиянием объясняются и некоторые узоры и «одновинность» этой ямбы «революции» в стихосложении. Ломоносов за образцами обратился уже не к сибирской поэзии, не к различным размерам поэзии, а к поэзии немецкой, где нашел различные размеры и развитую строфику. Переходим к Сумарокову. Он, как поэт, совершенно забыл и могут, пожалуй, цитируются даже и в шутку. Но у литературоведов он пользуется большим вниманием.

«Литературное наследие» Сумарокова в наше время подвергается резкой переценке. В своем многообразном творчестве он всего более гордится своими трагедиями, ценил комедии и сатиры и мало значения придавал своим песням. Современные литературоведы смотрят на это как раз наоборот. «Песни Сумарокова», говорит Бонди, несмотря на их популярность, ценятся им гораздо ниже других его вещей, но наши едва ли не одни сохранили до нашего времени некоторую связь, между тем как пропала почти вся поэзия, поэзия, песни, баллады, поэмы, устарели и могут, пожалуй, интересовать читателя лишь с исторической стороны. Свежо и интересно также звучат многие из сатирических произведений Сумарокова». «Самыми интересными произведениями Сумарокова все же следует признать его песни».

Характерно в этих песнях необычайное богатство метрики, разнообразие размеров. Приведем отрывок из одной мавсонской песни Сумарокова. Бонди замечает, что написан он «сильным» — стихом, вновь «открытым» и введенным в употребление

в начале XX века символистам. От Сумарокова дошло до нас свыше полтора десятка песен. В том же «Библиотека поэта», посвященном Сумарокову, помещено из них только 38. Это не дает возможности оценить в должной мере Сумарокова как родоначальника русской любовной поэзии. Оценку некоторые из самых популярных сумароковских песен, напр.: «Чем тебя я огорчил», которая в несколько измененной форме встречалась нам и в советских песенниках лет 5 назад.

Никакого представления не получая читатель и о своеобразном звуком языке Сумарокова, так как описаны такие песни, как «Хоть к обману» или «Хор и гордость».

Приведем начало второй из них: Гордость и тщеславие выдумал бес. Шерня да берня лис тра фа, Фар, фар, фар, фар, люди ер арцы, Шинда шиндара Транду, трандара, Фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.

В отличие от заим Крученых, в этой бессмыслице есть смысл, который легко угадывается. Сумароков всегда преследовал отсутствие простоты, манеру выражаться напыщенно, темно и непонятно. Здесь мы имеем осязаемое подобие роля произведений. Последнее слово «ферт» является ключом к разгадке. Необходимо отметить, что все эти произведения Сумарокова, все его разнообразие строфики, плохо было усвоено его последователями. Многие строфы, изобретенные им, вместе с ним и умерли, часть из них воскресла через стол, полтора столетия. Несмотря на отмеченные недостатки, обе книги так богаты интересным материалом по истории русского стиха, что должны войти в число пособий, незаменимых для всякого интересующегося историей русской поэзии.

ИВ. Н. РОЗАНОВ

КНИГИ

«ЗЕЛЕНЫЙ БЕРЕГ»

Перед нами сборник стихов молодого поэта Александра Коваленкова, привидение которого, казалось бы, должно быть в том, чтобы прилепиться к реальной жизни, претвориться в звуки гитары и преобразиться в лирическую поэзию. Но Коваленков умеет охватить от любого начинающего поэта бодрой жизнелюбивости, яркого проявления своих вкусов, своего творческого приема.

Ведь с этими требованиями перестать рифмовать книгу стихов, то с первых же строк нас постигнет глубокое разочарование.

Стихи А. Коваленкова — осторожные и благонамеренные. Но они не радуют ничем необычным и ярким и прохладят перед глазами читателя правильной и однообразной шеренгой. В них нет ничего резкого, отважного, оригинального. Благодаря этому здесь не найти смешных промахов, прямых недочетов. Но зато в них нет и подлинной поэзии, нет новизны и настоящего поэтического вдохновения.

Скучны эти стихи прежде всего потому, что все они напоминают великое множество других стихов, читанных нами и пять, и десять, и пятнадцать лет назад. Но дело не только в том, что в этих стихах автор — еще не совсем требовательный к себе художник, но и в том, что словесный материал, употребляемый автором, весьма устарел, это те же слова, которые издавна украшали «стихотворения» средних стихотворцев. К словам А. Коваленков относится с каким-то безразличием. У него нет своего стиля. Он пишет то утрированно разговорным языком, то переходит к бледному лирическому словоналичию. Он решительно избегает всякой образности в этой области. Очень трудно принять за поэты и поэтические образы такие скучные определения и глаголы: горячие слезы; горячий воздух; пылающий воздух; ослепительный гармонист; скромный рот; черные леса; зеленый дуг; курящий парок; липовые листья; к дальней роде; страшная ласка.

Александр Коваленков. «Зеленый берег». «Советский писатель», 1935.

Поэты; охваченные тишиной; всерьез умиряет; выволнованная юность; грустить непонятно; шия затрещала; дрожу от нетерпения; радость растапливает; не отрывая губ; может глотать; копка; тихой старинной; чуткий рев; томится подвздох; высокий берег; жербы ржут; дальняя река и т. д. и т. п.

Подробный список выражений автора мог бы в значительной мере перепутать расхожий язык «шаблонной поэзии» любого направления. Здесь нагромождено достаточно количество импрессионистического бытового стекла.

Впечатление прованчности, которое производит стихи А. Коваленкова, еще усиливается тем, что его стихи порою лишены музыкальности.

Может быть музыкантом? Вот тебе ноты.

Планино открыто. Садись за него и играй.

Иногда метафора, неосторожно развита, оплошает и губит самый образ:

... Столкнувшись с твоими глазами С чуть усталым и добрым

зрачком, Я опять отпущу свою память По тропинке бродить босиком.

Его часто обманывает слух. Его слушают почти как рассказчика. И надо добавить, рассказчика несколько вялого:

И это любовь! И ей верю. Мне стало.

Что ты не такая, как все, Что укралкой И я становлюсь не таким, Что сильней.

Чем все, что осталось От прежних дней, Желанье жить с тобой завтра И вместе

Встретать В переулках Московских предместий И горе, И радость, И юность свою,

И то, почему я любовь узнаю. Что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

И что значит: «И то, почему я любовь узнаю?»

БАСНИ БЕЗЫМЯННОГО САТИРИКА

Когда бумажнистический магазин послал в одно литературное учреждение на оценку приобретенную им рукопись басен безымянного автора, руководителю этого учреждения отвести, что рукопись «не заслуживает сколько-нибудь значительного интереса». Повидимому, почитаемым руководителем учреждения просто не было переиздана рукопись — ододела канцелярская работа.

Случай не захотел, чтобы скромный труд неведомого сатирика попал в руки. Приобрел бы тетрадь какой-нибудь архив или музей, она была бы там зашифрованной и пролежала бы десятилетия, пока ее заинтересовал бы кто-нибудь и мог бы ее опубликовать. К счастью басни остались в магазине, где их увидит писатель А. Н. Зюев. Перечитав обильную тетрадь, он установил ее литературно-историко-общественный и сатирический интерес.

Содержание всех рукописей, разбросанные в отдельных баснях дамокловы повисли А. Н. Зюев сделать вывод, что они не были в печати.

А. Н. Избранные басни. Редакция и предисловие Ал. Зюева. «Советский писатель», М. 1935, стр. 124, цена 4 руб. в пер.

так как автор, — повидимому русский офицер, служивший в Варшаве, — хорошо понимал невозможность их появления по цензурным условиям. Но можно думать, что они имели некоторые распространения в рукописях, и, конечно, делая свое дело наравне с другими образцами революционной сатиры различных 60—70-х годов.

А. Н. Зюев выбрал для своей публикации 50 басен. Судя по приведенным в книге образцам, неведомый автор был очень даровитый сатирик и с полным правом гордится, что талант его задан мерками государственного строя дореволюционной России. Он высмеивает монархические начала; восхваляет вождя народно-революционного движения Степана Разина; порицает технико-огульное отношение страны; высказывает протест в отношении других

национальностей, откликается на философские споры по вопросам о взаимоотношениях «души» и «тела», говоря, что «когда в них жизнь, одна игра страстей, лишь разную она имеют форму»; говорит о событиях европейской политической жизни с точки зрения революционного разночинца и т. д. и т. п.

С. ШТРАХ

К всеобщему содействию переводчиков

ВАРИАНТЫ „ОГНЯ“

Издательство «Academia» выпустило новое издание книги Барбюса «Огонь». На первый взгляд — издание превосходное. Первостепенной важности материал собран в приложение: телеграмма Т. Сталина памяти Барбюса от 3 сентября 1935 г., герцогины, написанные М. Горьким, Г. Димитровым, Романом Ролланом, первоначально напечатанные в сентябрьских номерах газеты «Правда». В приложение же помещены барбюсовы портрет Барбюса работы скульптора Тальяниуса, очень выразительный. Иллюстрированная книга выдающийся мастер А. А. Девянка. Наконец и полиграфическая выработка очень удачно. Кажется бы остается только поздравить советского читателя с получением наконец книги Барбюса в образцовом издании. Увы! Текст Барбюса являлся на удивление небрежно. У издательства «Academia» были исправлены, но все же оно исправлено может гордиться тем, что уже давно пошло на большую высоту редакторскую работу.

Почему «Academia» изменила своим прекрасным обычаям как раз при издании такой ответственной книги, как «Огонь» Барбюса? Нелюбовная начинается уже с титульного листа. В первый раз за всю свою издательскую практику «Academia» не указала имени переводчика. Зачем восстанавливать эту ошибку, достойную давно уже исчезнувших маленьких издательств, выпускавших переводческую макулатуру? Распространяя книгу, первая глава названа Барбюсом «La vision», т. е. «Видение». В издании «Academia» «Видение» стало «Введением». Правда, когда впервые в 1919 году «Огонь» вывешивал по-русски, там тоже фигурировало «Введение», которое переходило механически во все последующие издания. Но не пора ли, наконец, исправить эту ошибку, которая была повторена семью изданиями и почти достигла совершенства. Постоянная редакция опечатка! Точно так же бережно сохранила «Academia» хотя и немногочисленные, но грубейшие ошибки переводчика, которым почти исполнилось семнадцать лет!

В самом деле, поразительные вещи сообщает читателю «Academia» о французских солдатах-окопниках. На странице 27 мы читаем, что отряд солдат в окопе, потонувший без ссор двенадцать бесконечно. Какие нежные существа — французские потонувшие, покое на томных барышнях бывших времен! На страницах 78, 80, 136 мы узнаем, что боевым

возволом, состоящим из семнадцати человек, командует «дядя» — очевидно, полковой адъютант. Какую колоссальную арифметическую задачу предлагает читателю редактор перевода! В самом деле, хотя бы на этих страницах 159 читатель получает сведения о том, что для перевозки линейного полка требуется четыре поезда. Спрашивается: сколько же адъютантов во французском летном полку? Успокойм читателя. Эту задачу он может и не решать. Бискуптов окончники 1915 года не кушали по той простой причине, что бискупт — вовсе не «бискупт», а «сухарь», и по Барбюсу солдаты брали в окопы попросту липкую грубую галет. Адъютанты и во Франции не чаще, чем в других странах, коммандовали боевым взводом по той простой причине, что слово адъютант не означает «адъютант», хотя этимологически и родно с французским «адъютант» — лично младшего командования, нечто вроде полуприпоручика парской армии. Впрочем, это слово коварное, созданное как будто специально для того, чтобы поставить перед переводчиком задачу, в немощи словосочетаниях оно означает «адъютант» — только нестройной части, и на странице 76 переведено правильно: «адъютант командира ополченцев». Есть еще коварное словечко у Барбюса. Так и жельши, ну а как с ним справится переводчик? Редактор предпочел никак не справляться, а просто повторить на стр. 61—62 бессмысленный рассказ, который повторялся уже семью изданиями. Здесь повествуется о дине, что по околу шел рыцарь, и дине, что только автоматом было проложено, и рыцарь ковалел: «если бы я и был так нагружен, дал бы я ему пинка ногой». Внимательный читатель будет нелюбовно: что за странное окопы существовали в империалистическую войну; по ним разбегали автомобили, да и автомобили были какие-то фантастические. — Дальше ему динка ногой, он и отлетит. Объясняется и на этот раз все очень просто: французское не «автомобиль», это слово на литературном языке значит «суконная пелья», а на разговорном языке, фигурально — «ротозей», увальня, фигура. Воплоще понятие, что переводчик, работавший в 1913 году мог допустить ошибку. Дале и спорный толк не было. Но в 1923 году первый редактор подправил французское слово «суконная пелья» на «автомобиль».

Возволом, состоящим из семнадцати человек, командует «дядя» — очевидно, полковой адъютант. Какую колоссальную арифметическую задачу предлагает читателю редактор перевода! В самом деле, хотя бы на этих страницах 159 читатель получает сведения о том, что для перевозки линейного полка требуется четыре поезда. Спрашивается: сколько же адъютантов во французском летном полку? Успокойм читателя. Эту задачу он может и не решать. Бискуптов окончники 1915 года не кушали по той простой причине, что бискупт — вовсе не «бискупт», а «сухарь», и по Барбюсу солдаты брали в окопы попросту липкую грубую галет. Адъютанты и во Франции не чаще, чем в других странах, коммандовали боевым взводом по той простой причине, что слово адъютант не означает «адъютант», хотя этимологически и родно с французским «адъютант» — лично младшего командования, нечто вроде полуприпоручика парской армии. Впрочем, это слово коварное, созданное как будто специально для того, чтобы поставить перед переводчиком задачу, в немощи словосочетаниях оно означает «адъютант» — только нестройной части, и на странице 76 переведено правильно: «адъютант командира ополченцев». Есть еще коварное словечко у Барбюса. Так и жельши, ну а как с ним справится переводчик? Редактор предпочел никак не справляться, а просто повторить на стр. 61—62 бессмысленный рассказ, который повторялся уже семью изданиями. Здесь повествуется о дине, что по околу шел рыцарь, и дине, что только автоматом было проложено, и рыцарь ковалел: «если бы я и был так нагружен, дал бы я ему пинка ногой». Внимательный читатель будет нелюбовно: что за странное окопы существовали в империалистическую войну; по ним разбегали автомобили, да и автомобили были какие-то фантастические. — Дальше ему динка ногой, он и отлетит. Объясняется и на этот раз все очень просто: французское не «автомобиль», это слово на литературном языке значит «суконная пелья», а на разговорном языке, фигурально — «ротозей», увальня, фигура. Воплоще понятие, что переводчик, работавший в 1913 году мог допустить ошибку. Дале и спорный толк не было. Но в 1923 году первый редактор подправил французское слово «суконная пелья» на «автомобиль».

узко-русский словарь А. М. Таубе. Перевод не заглянул в них редактор в 1935 году? Ведь, по существу, совсем не плох перевод, выдержавший семь изданий, и конечно, давно пора назвать имя переводчика, работу которого прочно такое множество читателей. Перевод этот сделан покойным Персином Евсеичем Сливковым в 1918 году. Он тогда жил во Франции, прекрасно говорил по-французски, но работал спешно и с листа диктовал машинистке. Едва ли следует в корне перерабатывать перевод Сливкина, и спорно, нужно ли даже придавать ему большую неприкосновенность. Задача простая стояла перед редактором: восстановить пропущенные фразы и исправить вырванные ошибки. Но вводу выполнено первое и почти книга не выполнена второе. Между тем кто-то перевод правил. Это ясно из того, что изменена транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор именовалась Валюкия, теперь она именуется куда более элегантно — Эрик. Крайне спорный принцип! Какое было транскрипция имени персина в названии, не случайно для издательства «Academia»: «Девянка-окопчик», о которой говорится в главе 4, 5 и 17, до сих пор

„БОРЬБА ЗА КИЕВ“

В ОЧЕРЕДИ ЗА КНИГОЙ

В. Фаворский. Портрет жены. Масло.

25-летие СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛА

Я был еще молодым человеком, когда Толстого отлучили от церкви. Московская интеллигенция была глубоко возмущена выходкой «Святейшего правительствующего синода»...

ЛЕВ И ОСЛЫ

В одной стране, где правили ослы, Лев завелся и стал наводить и напирать. О том, о сем судить и про ослос аво правду говорить...

Но так как львы ведь не похожи на ослов, И все в поступках их и их речах иное. То весь «синкит» ослиных тех голов...

Как? Рядом долгих лет природные ослы Обычай наш и нрав привили мы народу, А дерзкий Лев стригит на нас хулы...

К несчастью, народ наш не глухой И дан язык ему (как ни прискорбно это): Один послушает, расскажет тот, другой, Да так и разнесут ты ересь вдовь по свету.

И вот «синкит» ослос Собрался обсудить, как быть с врагом косматым?.. И сновитесь ослиных семь голов...

Лев назван был «губителем» страны, Порвавший «дерзостью» с «премудростью» ослиной. За что и ждет его рогатка сатаны...

«Вам, Лев неистовый, покаяться недля ли? Забудем прежние нападки и хулы, Смиритесь, бросьте... и подите-ка в ослы, Покайтесь! — Может быть прощенье б получить»...

Когда же Льву прочли подобные рации, То он сказал, взметнув презрительно хвостом: «Здось все написано ослиным языком...

Сообщил Н. П. Рабов

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В ДОМЕ СОЮЗОВ

Когда к Фоберу обратились с просьбой написать автобиографию, он удивленно развел руками: — У меня нет биографии...

МЫ ЖЕЛАЕМ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ С ПИСАТЕЛЯМИ

Надежда Константиновна Крупская через «Литературную газету» предложила писателям переписку с читателями сельских библиотек...

Первое, что потрясает зрителя, на полная его годной уверенности в непобедимости Красной армии и неприкосновенности наших границ... «Созревание плодов» Б. Пильняка

«СОЗРЕВАНИЕ ПЛОДОВ» Б. ПИЛЬНЯКА

Новый роман Пильняка только начался печатанием в «Новом мире». Трудно, конечно, по этим главам и по отрывкам, прочитанным в Пильняком...

А условия эти — трудности необычайной. Основная трудность тут — условные порождения, условные ранения и убитые, которых не видно на экране...

СЕГОДНЯ ПРЕМЬЕРА

Сегодня театр «Современник» показывает свою новую работу — композицию Яхонтова «Новые плоды»...

ПЕРВАЯ КНИГА О СТАХАНОВЦАХ

У заведующего культурпросветотделом МК ВКП(б) т. Фурера состоялось совещание писателей и журналистов...

ДЕЛЬМАН

В. Фаворский. Обложка каталога выставки советского искусства в Филадельфии (Америка).

НОВЫЕ КНИГИ

- советская литература
Легендарный нечдв. Очерки и воспоминания о Шорре. Сборник под общ. редакцией Н. Златевского. 83 стр. цена 75 коп. Москва, «Молодая гвардия».

В библиотеке мне сказали, что на «Сургом реку» Шникова — очередь. Сейчас могу получить только второй том...

Каждый писательский вечер, проводимый в рабочей аудитории, является неизменным доказательством непосредственной заинтересованности широкой читательской массы в вопросах литературы...

ПОЭТЫ НА ЗАВОДЕ № 120

После прений выступил Н. Асеев. Он сообщил собравшимся, что будет писать большой роман — биографию В. Маяковского...

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ МАГАЗИН

Волдь стел — мяткие диваны. И в приятные обслуживания магазинов во многом разнятся от старых книжнических лакок: консультация, печатные каталоги, листовки, уведомления, картотека постоянных покупателей...

ВЕЧЕР ЮРИЯ ЯНОВСКОГО

Правление ЦСР СССР, ДСР, Гослитиздат и журнал «Знамя» организуют 23 ноября вечер посвященный обсуждению книги Юрия Яновского «Воскитание»...

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стростной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
В 1936 году все новые произведения АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО и писателей-орденоносца Н. А. ОСТРОВСКОГО будут печататься исключительно в журнале «Молодая Гвардия».